

Татьяна Зыль*

Рассказчик
в романе
А.С. Пушкина
«Капитанская
дочка»:
самоопределение
и нравственная
ПОЗИЦИЯ

В статье анализируется нравственная проблематика романа, значимость которой подчёркивается эпиграфом к нему. Писатель прослеживает формирование нравственных ориентиров в жизни рассказчика. Исследователи творчества А.С.Пушкина не раз отмечали, что *переход* Петруши Гринёва *от подросткового сознания к зрелому мировидению* в романе «Капитанская дочка» является недостаточно художественно убедительным. В статье утверждается мысль о том, что постичь динамику нравственного взросления героя помогает читателю понимание сложных отношений между реальным и художественным временем в произведении. Взаимодействие времени объективного и субъективного (осмысление прошлого с позиций зрелого человека) *оказывается способом организации повествования*, в ходе которого художественно убедительно раскрывается процесс нравственного самоопределения Гринёва.

The article analyzes the moral problems of the novel, the importance of which is emphasized by the epigraph to it. The writer traces the formation of moral guidelines in the life of the storyteller. Researchers of A.S. Pushkin noted more than once that the transition of Petrusha Grinev from adolescent consciousness to a mature worldview in the novel «The Captain's Daughter» is not enough artistically convincing. The article confirms the idea that understanding the complex relationships between real and artistic time in a work helps the reader to comprehend the dynamics of the hero's moral maturation. The interaction of objective and subjective time (comprehension of the past from the standpoint of a mature person) turns out to be a way of organizing a narrative, during which the process of Grinev's moral self-determination is artistically convincingly revealed. Keywords: Pushkin, «The Captain's Daughter», genre of memoirs, storyteller, psychologism of literature, moral problems of the novel, honor, virtue, poetics of narration, plot, composition, methods of creating images

«Капитанская дочка» была задумана А.С.Пушкиным как роман на историческую тему. В нём автор обращается к событиям казачье-крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачёва, которая приобрела грандиозный размах и продолжалась в течение длительного времени — с начала зимы 1772/1773 гг. по январь 1775 г. Масштабность содержательной основы произведения определила романную глубину его социальной, нравственной и философской проблематики.

Ключевые слова: Пушкин, «Капитанская дочка», жанр мемуаров, рассказчик, психологизм литературы, нравственная проблематика романа, честь, добродетель, поэтика повествования, сюжет, композиция, приемы создания образов

Keywords: Pushkin, «The Captain's Daughter», genre of memoirs, storyteller, psychologism of literature, moral problems of the novel, honor, virtue, poetics of narration, plot, composition, methods of creating images

* Кандидат педагогических наук, доцент кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

А.С. Пушкин рассматривал жанр романа как возможность отобразить «историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании»¹. Писатель не сразу нашёл нужный ему ракурс изображения исторических событий. Сохранилось несколько планов будущего произведения, по которым учёные (Ю.Г. Оксман, Н.Н. Петрунина и др.) проследили его творческую историю².

В первоначальном варианте романа (1832 г.) героем должен был стать офицер правительственных войск Шванвич, изменивший присяге и перешедший на сторону Пугачёва. Такой сюжетный ход открывал возможность «вхождения» в тему крестьянской войны, которую писатель хотел достоверно воспроизвести. Для этого А.С. Пушкин в процессе разработки концепции художественного произведения тщательно собирал материалы о Пугачёве и о военных действиях мятежников: изучал архивные документы Военного министерства, предпринял поездку в Поволжье и Оренбургский край, где происходило восстание. Работа с документами многое прояснила для автора в эпохе «пугачёвщины».

Он пересматривал описанные в архивных материалах конфликтные ситуации в судьбах реальных людей, в результате чего замысел романа претерпевал существенные сюжетные и идейные исправления. Для писателя важна была позиция дворянина, оказавшегося в войске Пугачёва. Изучив достоверные источники, Пушкин убедился, что факт измены офицера из родовитых дворян был единичным, поэтому отказался от начального сюжета.

В следующем варианте плана героем произведения становится дворянин, который был помилован Пугачёвым и принужден воевать на стороне восставших, но впоследствии ему удалось вернуться в правительственную армию (Башарин).

Наиболее близок к художественному сюжету «Капитанской дочки» вариант плана с героем Валуховым (1834 г.). Валухов, как и Гринёв, был взят в плен, а затем отпущен Пугачёвым в Оренбург. Новый поворот в сюжете позволил автору в ином ракурсе рассмотреть взаимоотношения главных героев и их характеры. Другой важный момент в развитии действия — появление второй линии, связанной с изображением семьи

коменданта Миронова. А.С. Пушкин выстроил сюжет, раскрывающий широту художественного замысла произведения на историческую тему, в котором судьбы персонажей прослеживаются на фоне «пугачёвщины», ворвавшейся в мирное течение их жизни и определившей дальнейший ход событий.

Перед автором стояла задача художественного воссоздания исторических событий в произведении. Препятствием в разработке жизненного материала являлась официальная точка зрения на крестьянскую войну и её вождя, которую писателю нужно было оспорить. Александр Сергеевич обратился к мемуарному жанру, в котором рассказчиком выступает Пётр Андреевич Гринёв. В XVIII веке жанр автобиографических записок был одним из востребованных в литературе. Мемуары писали как известные исторические лица, писатели, так и простые люди.

Потребность Гринёва рассказать о важных событиях в своей жизни мотивирована в тексте романа тем, что он смолоду имел «охоту к литературе», писал стихи, заслужившие впоследствии похвалы А.П. Сумарокова. Гринёв повествует о том, что видел сам и в чём принимал участие. Волею судьбы офицер правительственных войск вступил с вождём восстания в «странные отношения», но при этом не стал изменником. В силу сложившихся обстоятельств Гринёв оказывается свидетелем событий в обоих борющихся лагерях, что подчёркивало объективный характер повествования. Так был найден нужный А.С. Пушкину ракурс изображения крестьянской войны.

Как видим, наличие рассказчика в романе объясняется художественными задачами автора: он вводится как носитель «особой точки зрения на мир и на события, особых оценок и интонаций»³. Общаясь с Пугачёвым, Гринёв увидел в нём, вопреки официальной точке зрения о Пугачёве-изверге, человека, отзывчивого на добро и проявляющего милосердие.

Жанр «семейственных записок» открыл автору возможность отобразить реальный жизненный конфликт (гражданская война в России XVIII века, противостояние двух сил) с помощью «вымышленных» героев и ситуаций — «домашним образом» (по выражению А.С. Пушкина). В многоплановом произведении частная

жизнь и события истории остро соотнесены друг с другом: писатель изображает исторические события и обыденные явления жизни людей, вовлечённых в историческую жизнь.

В связи с этим в литературной критике, начиная с XIX века и до наших дней, ведутся споры о том, какие события являются главным предметом изображения в произведении — семейная хроника или история бунта. Замысел А.С. Пушкина проясняет черновой фрагмент текста, написанный на начальном этапе работы над произведением (5 августа 1833 г.) и озаглавленный автором как «Набросок введения к роману». Впоследствии этот текст был исключён, потому что на первый план в повествовании выступил Гринёв как лицо действующее, что не характерно для мемуарного жанра⁴.

В этом варианте введения к роману Гринёв-рассказчик обращается к своему внуку, в котором находит много общего с собой, делится с ним своими размышлениями о времени и о себе: «...Начинаю для тебя свои записки, или лучше искреннюю исповедь, с полным уверением, что признания мои послужат к пользе твоей. <...> Ты увидишь, что, завлечённый пылкостью моих страстей во многие заблуждения, находясь несколько раз в самых затруднительных обстоятельствах, я выплыл наконец и, слава богу, дожил до старости, заслужив и почтение моих ближних и добрых знакомых. То же пророчу и тебе, любезный Петруша, если сохранишь в сердце твоём два прекрасные качества, мною в тебе замеченные: доброту и благородство» [V, 480].

Так, на начальном этапе работы над романом А.С. Пушкин обозначил в нём ведущую проблему формирования нравственных ориентиров в жизни человека. «Нравственная сторона мира художественного произведения <...> имеет, как и всё остальное в этом мире, непосредственное «конструирующее» значение»⁵. Не только отношения офицера с Пугачёвым, но и самый быт, «психологическая среда», воссозданная автором в романе, способствуют раскрытию его нравственной проблематики. Не случайно в качестве эпиграфа к роману А.С. Пушкин приводит русскую поговорку «Береги честь смолоду», подчёркивая значимость нравственно-философской проблематики в произведении на историческую тему.

Кадр из фильма «Капитанская дочка»
(Мосфильм, 1958 г.)

В.И. Даль характеризовал поговорки как «житейскую народную правду»: «Кто её сочинил — неведомо никому; но все её знают и ей покоряются. Это сочинение и достояние общее, как и самая радость и горе, как выстрадавшая целым поколением опытная мудрость, высказавшаяся таким приговором. Сочинённая же тогда только становится поговоркой, когда пошла в ход, принята и усвоена всеми»⁶. Учитывая эту функциональную особенность поговорки, А.С. Пушкин освобождает её от конкретной бытовой параллели («Береги платье снову»), приводя лишь поучение, в котором заключено смысловое ядро высказывания, приобретающее значение нравственной заповеди в системе человеческих ценностей.

В своём главном значении «честь» — «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть»⁷. Честь становится мерилем достоинства и человеческой сущности персонажей. Эти качества проявляются через их действия, поступки, мысли, эмоции.

События в романе «Капитанская дочка» преломлены через впечатления о них рассказчика, поэтому для автора важно раскрыть его внутренний мир в исторической определённости и конкретности. Писателя интересовал герой, который «эволюционирует, формируется в процессе своего участия в исторической жизни»⁸. Автор проводит Гринёва через ряд труднейших жизненных испытаний, требующих предельного напряжения душевных сил, подлинного мужества. В связи с этим проблема нравственного и идейного самоопределения личности становится важнейшей в произведении.

Исследователи творчества А.С.Пушкина не раз отмечали, что процесс нравственного взросления Петруши Гринёва в романе недостаточно убедителен, так как осуществляется в течение небольшого отрезка времени (двух лет). На наш взгляд, динамика нравственного взросления героя выглядит художественно убедительной при условии понимания сложных отношений между реальным и художественным временем в романе.

В художественном произведении, как отмечает Д.С.Лихачёв, автор «берёт только некоторые явления реальности» и на их основе строит «художественно трансформированное время» в связи с теми «стилеобразующими» тенденциями, которые характерны для его творчества. Это «художественно трансформированное время» «создает необходимую художнику «маневренность», позволяет творить свой мир, отличный от мира другого произведения, другого писателя»⁹. Он может условно сокращать или расширять явления реальности в зависимости от их значимости в сюжетном развитии или в характеристике персонажей. Лаконизм как стилевая особенность пушкинской прозы проявляется в отборе автором наиболее значимых в жизни рассказчика событий, повлиявших на его нравственное развитие. Этапы взросления Гринёва определяют смену пространственно-временных координат в произведении. «Такая временная дискретность служит мощным средством динамизации сначала сюжета, а потом и психологизма»¹⁰

В первой главе, где описывается детство Гринёва, время течёт *медленно*. Читателю открывается жизненный уклад патриархальной помещицкой усадьбы XVIII века. Рассказчик рисует картину устойчивого бытия, в котором персонажи предстают в жизненной обыденности, в своих повторяющихся изо дня в день действиях. Однообразие своей жизни в детские годы Гринёв выразил в одной фразе: «Я рос недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками» [V, 242]. Никто не стеснял его свободы. Бедный на события патриархальный мир обеспечивал Петруше безмятежное существование. Его инфантильность подчёркивается даже вкусовыми пристрастиями (предвкушение наслаждения от пенки с малинового варенья).

Учителями Петруши были сначала крепостной слуга-воспитатель («дядька») Савельич, за-

тем француз мосье Бопре, «добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности» [V, 240], к тому же любитель выпить. Застав француза пьяным во время занятий, отец Петруши прогнал его со двора. На этом курсе наук для «барского дитяти» закончился. Он «выучился русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля» [V, 239], кое-как читать по-французски и драться на шпагах. У шестнадцатилетнего недоросля были наивные представления о весёлой жизни в Петербурге, где он будет проходить службу.

В нравственном развитии Петруши в детские годы сказались разнородные влияния. В патриархальном укладе Гринёвых важную роль играл авторитет отца. Андрей Петрович Гринёв, как сообщает мемуарист, служил при графе Минихе, участвовал в военных действиях против Турции. Впоследствии, когда императрицей стала Екатерина II, он вышел в отставку премьер-майором, оказавшись в лагере фрондирующего дворянства, враждебного новой знати. Его высокие представления о долге и чести дворянина не согласовывались с открывающимися при дворе возможностями карьерного роста.

Поселившись в своей симбирской деревне, Андрей Петрович чувствует себя обделённым жизнью. Это обстоятельство в немалой степени объясняет его необщительный характер и раздражительность, проявляющуюся во время его любимого занятия — чтения «Придворного календаря», сопровождаемого комментариями. В них раскрывается презрение старшего Гринёва к карьеристам, которые удостаиваются чинов и почестей при дворе. Эта принципиальная позиция прослеживается также в аргументации принятого им решения о переводе сына из гвардии, куда он был приписан с момента своего рождения, в армию.

Показать героя как представителя эпохи XVIII века помогает автору эпиграф к первой главе (цитата из комедии Я.Б.Княжнина «Хвастун»), имеющий глубокую смысловую содержательность. В нём выражен дух эпохи с её культом долга и чести:

- Был бы гвардии он завтра ж капитан.
- Того не надобно; пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! Пускай его потужит...

.....
Да кто его отец? [V, 239].

Обращаясь к произведению, хорошо знакомому читателю, А.С. Пушкин акцентирует его внимание на нравственной проблематике романа, вводя в повествование тему истинных и ложных ценностей. Андрей Петрович Гринёв, как и благородный отец из комедии Княжнина с «говорящим» именем Честон, считает, что молодой человек должен научиться самостоятельно преодолевать жизненные трудности, поэтому направляет сына на службу в армию: «Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не **шаматон**» [V, 243] (здесь и далее выделено мной. — Т.З.). Комментарий понятия находим в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «*Шамша*, пустобай, враль. *Шамить деньгами*, мотать»¹¹.

Нравственный авторитет отца делает значимыми для сына его поступки, поэтому решение Андрея Петровича не вызывает у Петруши сопротивления. «Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня гарнизонная скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего! <...> Родители мои благословили меня» [V, 243–244]. Пётр даже в мыслях своих не мог допустить непослушания. В комментарии Гринёва-мемуариста по поводу своего странного сна во время бурана выражена озабоченность тем, «чтобы батюшка не прогневался» на него «за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным ослушанием» [V, 250].

В отличие от строгого отца, мать Петруши — добрая, душевно деликатная женщина, подстраивающаяся под непростой характер своего мужа. Круг её интересов ограничен бедным на события патриархальным бытом, где малозначительные факты становились точкой отсчёта в летописи деревенской жизни. Вся её жизнь прошла в заботах о близких людях, повседневных хозяйственных делах. Доброта матери и забота развили в Петруше мягкость, совесть, доброжелательное отношение к людям.

Важная роль в формировании нравственности Гринёва принадлежит Савельичу, кото-

рый для него больше, чем слуга. В отношении дворового человека к «барскому дитяти» сочетаются сердечная привязанность с требовательностью. Савельич грамотен, его образная речь изобилует пословицами и поговорками, концентрирующими народную мудрость. Он твёрдо следует своим представлениям о должном поведении, поэтому рассудителен, добр и честен по отношению к людям. Увещевая своего воспитанника за недостойные поступки, Савельич апеллирует к авторитету его отца как образцу поведения. Глава романа, в которой описывается детство Петра Гринёва, убеждает читателя в том, что атмосфера в семье способствовала формированию у него нравственных устоев. Петруша усвоил взгляды и нравы своей семьи, в основе которых честное и порядочное отношение к людям.

В дальнейшем повествовании прослеживается процесс взросления Гринёва. А.С. Пушкин показал проявления личностного начала героя через его поступки, мысли, эмоции. Пётр вырывается из ограниченного пространства патриархальной помещицкой усадьбы в динамичный мир взрослой жизни, и темп времени убыстряется. Динамичность повествования обусловлена не только «временной дискретностью» (прерывистостью), но также наличием двух Гринёвых: наряду с описанием пережитого рассказчиком (как в мемуаре) автор даёт как бы непосредственное восприятие событий Гринёвым-персонажем (как в романе), когда происходящее сопровождается сиюминутным эмоциональным откликом на него, а суждения мемуариста являются лишь комментарием к нему¹².

Самоопределение Гринёва началось с его отъезда из родительского дома. С этого момента *интенсивность* художественного времени нарастает, так как вступает в силу сюжетное время (встречи с новыми людьми, осмысление героем своего поведения). «Интенсивность художественного времени выражается в его насыщенности событиями (при этом под «событиями» будем понимать не только внешние, но и внутренние, психологические»³.

На первый взгляд, ситуации новых знакомств Петруши создают впечатление случайных, не обусловленных сюжетом попутных встреч. Но они важны для осмысления нравственной про-

блематики произведения, так как Гринёв вступает в самостоятельную жизнь, формирует своё отношение к миру, учится быть ответственным за своё поведение.

Первые жизненные уроки ярко запечатлелись в сознании рассказчика, чем объясняется их детальное воссоздание в записках. Для пишущего важны не только произнесённые слова, но и внутреннее состояние, ощущения в этот момент. Комментарии мемуариста дают возможность проследить детально ту мыслительную и эмоциональную работу, которая происходит в душе героя, раскрывая перед читателем разнообразие душевных движений, мотивирующих его поступки.

По словам рассказчика, он «вёл себя как мальчишка, вырвавшийся на волю» [V, 245].

По дороге в Оренбург Гринёв останавливается в трактире, где знакомится с ротмистром Зуриным. Диалог героев передан в динамике чувств Гринёва. Рассказчик по прошествии многих лет фокусирует внимание на тех репликах офицера, которые проясняли состояние молодого человека, которому, казалось, приоткрыли дверь во взрослую жизнь (обращение к нему Зурина: «нашего брата служивого»). Ротмистр пригласил Петрушу вместе отобедать, во время еды сам «пил много и потчевал» нового знакомого, а после обеда предложил сыграть на биллиарде. Воспитанный в патриархальной семье, где слово старшего не оспаривается, Гринёв воспринимает как истину слова Зурина о том, что ему надо научиться играть на биллиарде и пить пунш, так как это «необходимо для нашего брата служивого» [V, 244]. Воспользовавшись детской доверчивостью и неискушенностью Гринёва, бравый ротмистр выиграл у него 100 рублей.

Поутру, слушая нравоучения Савельича, герой осмысливает вчерашние происшествия. Простодушие и искренность молодого человека столкнулись с обманом и коварным умыслом. Однако, понимая всю нелепость ситуации, в которой он оказался, Гринёв выбирает, с его точки зрения, должное поведение. Как честный человек, он отвергает советы Савельича о том, как можно уклониться от уплаты проигрыша, считая такое поведение недостойным дворянина.

Он осознаёт необходимость самостоятельно принять решение, а для этого надо переспорить

«упрямого старика», а то потом «трудно... будет освободиться от его опеки». Гордо взглянув на Савельича, Гринёв произнёс: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Необычность поведения «барского дитяти» подчёркивается реакцией Савельича, который так был поражён его словами, что «сплеснул руками и остолбенел». Поведение Гринёва продиктовано самолюбивым желанием выглядеть вполне взрослым и самостоятельным. Он прерывает нравоучения Савельича грубым окриком: «Полно врать <...> подавай сюда деньги, или я тебя взащей прогоню». Комментарии рассказчика раскрывают истинное душевное состояние героя в этот момент: «Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребёнок» [V, 246–247].

В сложившейся ситуации Гринёв обнаруживает способность принимать самостоятельное решение, начинает проявлять силу характера, отстаивая личностную позицию, ориентированную на свою «систему координат». Герой проверяет своё отношение к миру и людям судом собственной совести. Спустя много лет мемуарист не скрывает своих переживаний: он понимал, что незаслуженно обидел Савельича, и в душе раскаивался в своём поступке.

Смятенное состояние, в котором находился Гринёв, вывело его из привычного равновесия и сказалось при встрече с другим — природным препятствием. Пётр несерьёзно отнёсся к предупреждению ямщика о надвигающемся буране, и эта беспечность чуть не стоила путникам жизни. Это обстоятельство также послужило ему уроком, требующим серьёзного отношения к своим поступкам.

Первый жизненный опыт не прошёл для Гринёва бесследно. Он стал более внимательно выяснять мотивы поступков людей. В Белогорской крепости судьба свела его со Швабриным, представителем столичной аристократической молодёжи. При первой встрече он произвёл на Гринёва хорошее впечатление: «Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остёр и занимателен» [V, 257].

Столичный офицер был образован и опытен в житейских делах. У него было несколько французских книг. Общение со Швабриным

вызвало у Гринёва желание заняться самообразованием: он стал читать, упражняться в переводах и в сочинении стихов. Вместе с тем через небольшой промежуток времени в их отношениях произошёл разлад. Ещё при первой встрече Швабрин в невыгодном свете описал дочь коменданта Машу, вызвав у Гринёва предубеждение к ней. Однако, познакомившись с девушкой, Пётр убедился в её доброте и порядочности.

Дальнейшее общение со Швабриным стало для него тягостным. Конфликт между офицерами был спровоцирован злоречием последнего в отношении Маши. В ситуации конфликтного характера проявляется *нравственная чистота* Гринёва. Он верно оценил всю гнусность поведения Швабрина, рассмотрев под грубой и непристойной насмешкой обдуманную клевету. Гринёв обнаружил способность брать на себя ответственность за судьбу близкого человека. Он защищает честь любимой девушки, подвергая свою жизнь опасности. В приведённых ситуациях раскрываются такие нравственные качества Гринёва, как честность, доброта, благородство, которые, с точки зрения автора, необходимы рассказчику об участии Пугачёва в его судьбе.

Знакомство главных героев происходит во время бурана в степи, в результате которого Гринёв и его спутники сбились с дороги. Неожиданно появившийся в снежном хаосе неизвестный бродяга выводит их к постоялому двору. Так устанавливается связь Гринёва с Пугачёвым. Эта встреча положила начало цепи событий в жизни молодого офицера, связанных с военными действиями и общением с Пугачёвым.

В ситуации первой встречи героев раскрывается главное качество натуры Гринёва — его доброжелательное отношение к людям. Пётр сочувственно отнёсся к бродяге, мёрзнущему зимой в армяке: «Что, *брат*, прозяб?» Желая отблагодарить вожатого, он предлагает ему стакан вина, а наутро жалуется ему шубу с барского плеча. Мужик был тронут вниманием барина: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу *добродетель*. Век не забуду ваших милостей» [V, 251]. Приведем разъяснение из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля: «*Добродетель* — доблесть, всякое похвальное

качество души, деятельное стремление к добру. «Помню добродетель твою», — говорит народ (синонимы — *благодаяние*, благотворение). Добродетельствовать — делать добро, благотворить, *благодетельствовать*»¹³.

Мотив *благодаяния*, в свете которого раскрываются человеческие качества героев, становится ведущим в их отношениях. После штурма Белогорской крепости Пугачёв помиловал Гринёва, вспомнив его доброту. В откровенном разговоре в комендантском доме Пугачёв также вспоминает о благодаянии Гринёва: «Ты крепко передо мною виноват, <...> но я помиловал тебя за твою *добродетель*, за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов» [V, 293].

В дальнейшем повествовании герой (в силу сложившихся обстоятельств) оказывается свидетелем событий в обоих борющихся лагерях: наблюдает за действиями пугачёвцев в захваченной ими крепости, длительное время находится в осаждённом мятежниками Оренбурге и т.д. Созданные писателем ситуации остроконфликтны, психологически убедительны. Каждый раз рассказчик испытывает огромное моральное напряжение, мысленно выверяя каждое произнесённое вслух слово. Не случайно устойчивым эпитетом в описании этих встреч становится слово «странный» («странные отношения, «странное чувство»). Гринёв не изменяет присяге, но «странное чувство», которое он испытывает к Пугачёву, включает и долю симпатии.

Создавая реалистический характер персонажа, автор раскрывает в поведении Гринёва типические черты, в немалой степени определяемые сословным воспитанием: благородство и мужество. Пётр Гринёв предстаёт перед читателем человеком XVIII в., со своими взглядами, мировоззрением, сложившимся в эту эпоху. Вовлечённый в водоворот военных действий, он, как дворянин и офицер правительственных войск, выражает социальную позицию своего класса. Гринёв видит в Пугачёве врага. Это мнение сформировалось у него на основе официального документа, зачитанного комендантом Мироновым накануне штурма крепости, в котором Пугачёв именуется «злодеем и самозванцем», производящим «грабежи и смертные убийства», а его войско — «злодейской шайкой» [V, 274–275].

Это мнение укрепило в его сознании после штурма крепости и жестокой расправы бунтовщиков с её защитниками. В этом убеждали молодого офицера и действия пугачёвцев по установлению новых порядков. Пережитое им потрясение навсегда поселило в душе Гринёва ненависть к насилию: «Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [V, 280]. Вместе с тем, как человек своего класса, он оправдывает прибегающего к пытке капитана Миронова нравами эпохи.

Встречи Гринёва с Пугачёвым значимы как для сюжетного движения, так и для раскрытия их характеров. Важным эпизодом в развитии отношений между ними является встреча в комендантском доме, где проходит «военный совет» пугачёвцев. Впечатлённый картиной жестокой расправы с защитниками крепости, Гринёв в тот же вечер оказывается среди пирующих мятежников, поющих за столом старинную народную песню. Сжатым и энергичным фразам простонародной песни, по словам рассказчика, «и без того выразительным», поющие придали выражение, вызвавшее у него чувство «пиитического ужаса».

Разговор происходит в психологически напряжённой ситуации. Комментарии мемуариста переключают внимание читателя с внешних действий на мотивацию поведения героев, проясняя их внутренние переживания, что придаёт повествованию исключительный драматизм и напряжённость. Смысловыми доминантами, характеризующими душевное состояние Гринёва, являются слова «невозможно рассказать», «всё потрясло меня» [V, 292].

В сюжетном развитии этот диалог важен тем, что Гринёв и Пугачёв предстают перед читателем такими, какие они есть на самом деле. Диалог у Пушкина является средством индивидуальной характеристики, сохраняя строй фраз, стилистическую окраску речи персонажа. Своеобразие речи Петра Гринёва определяется не только социальными речевыми приметам, но и психологическими. Строй его речи отражает процесс формирования мировоззренческой позиции в ситуации нравственного выбора.

Это рассуждение вслух, обусловленное необходимостью самому убедиться в правильности принятого решения. Вопрос Пугачёва: «Обещаешься ли служить мне с усердием?» — привёл Гринёва в ситуацию тупика. Рассказчик так объясняет свои чувства: «признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя гибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию» [V, 293]. Гринёв некоторое время колебался, не ведая, что ответить, и боясь вызвать гнев Пугачёва. Затянувшееся ожидание ответа не сулило ничего хорошего. Лицо Пугачёва было мрачным. Эмоциональный накал чувств героев выражает предельный драматизм происходящего.

«Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою». Комментарий мемуариста фокусирует внимание читателя на важном для Гринёва моменте самоактуализации, когда он открывает в себе ранее неведомые мужество и твёрдость характера, понимание необходимости быть честным до конца. «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышлёный: ты сам увидел бы, что я лукавствую» [V, 293]. Этот момент *самораскрытия* героя в ходе диалога открывает значимость нравственных устоев в его жизни, вызывающих уважение к себе.

В сюжете произведения Пётр Андреевич Гринёв не показан непосредственно в военных действиях (только во время штурма Белогорской крепости мятежниками). Отпущенный Пугачёвым, он, добившись освобождения Маши, вернулся в правительственную армию. Как пишет рассказчик, «долг чести требовал» его «присутствия в войске императрицы» [V, 322], но о своём участии в сражениях не вспоминает.

Гринёв и Пугачёв раскрываются в произведении через частные отношения, в которых на первый план выступают такие общечеловеческие качества, как милосердие и добродетель. Движимые ими, герои вступают в «странные отношения», противоречащие их классовым

позициям. Пугачёв дарует жизнь Гринёву и отпускает его, Гринёв, не видя иной возможности спасти Машу, вопреки дворянским законам, обращается за помощью к мужицкому царю.

Разговор Гринёва с Пугачёвым по дороге в Белогорскую крепость очень важен для прояснения жизненных позиций героев. Офицер и мятежник связаны друг с другом взаимным расположением, что объясняет определённую откровенность в их диалогах.

Гринёв говорит о противоречивости ситуации, в которой он оказался:

«Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя» [V, 312–313].

Пугачёв, похваливаясь Гринёву своими победами, поделился дальнейшими планами своих действий, дерзко заявив, что пойдёт на Москву. Мятежник одержим мечтой о воле, он осознаёт, что ожидает его в случае подавления восстания, но готов идти до конца. Сочувствуя Пугачёву, Гринёв советует ему прибегнуть к милосердию государыни. Но самозванец понимает наивность такого предложения, осознавая, что для него не будет помилования, и подтверждает свою мысль калмыцкой сказкой. Выслушав сказку, Гринёв дал ответ на вопрос мятежника, понравилась ли она ему: «Затейлива <...> Но жить убийством и разбоем значит, по мне, клевать мертвечину» [V, 314]. В суждении собеседника, воспринявшего сказку в свете христианской морали, с достаточной чёткостью и определённо прозвучало осуждение жестокости и насилия.

Участие Пугачёва в освобождении Маши убеждает Гринёва в том, что, несмотря на свирепость мятежника, он не лишён чувства сострадания и отвечает благодарностью за сделанное ему добро. По христианскому обычаю человек не может остаться в долгу перед тем, кто сделал ему добро. Гринёв безмерно благодарен Пугачёву, избавившему Машу от притязаний Швабрина. Чувствуя доброе расположение мятежника, Гринёв обращается к нему. Важно отметить, что в этом откровенном признании героя честь неотделима от совести. Для него важно не только мнение, которое складывается о нём у окружающих, но и собственная оценка своих поступков.

«Слушай <...> Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. *Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель.* Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...» [V, 317].

Расставаясь с Пугачёвым, Гринёв мысленно признаётся себе в охватившем его сочувствии и страхе за судьбу самозванца, в стремлении спасти его: «В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время» [V, 319].

Проблема чести исследуется в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» на истории нескольких поколений. Отстаивание «святынь своей совести» требует от человека предельного напряжения душевных сил, подлинного мужества: пращур Гринёва «умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести», дед «пострадал вместе с Волынским и Хрущёвым...» [V, 330]. Отец Гринёва служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором. Его жизненные принципы чётко сформулированы в напутствии сыну, вступающему в самостоятельную жизнь. Следуя нравственным заветам отца, Петр Гринёв смог с честью выйти из трудных, порою безвыходных положений, в которые ставила его жизнь, сохранив в себе такие качества, как доброта и благородство души. Доброта Гринёва проявляется в его заботливом отношении к Савельичу. Думая об отъезде из Оренбурга, он предлагает слуге половину своих денег, наказывая не скупиться и покупать себе всё необходимое, а по дороге в Бердскую слободу Гринёв, рискуя попасть в плен к мятежникам, решил вернуться, чтобы выручить отставшего в пути дядьку.

Доброта и благородство Гринёва проявляются в его поступках, когда он в поединке со Швабриным защищает честь своей любимой девушки, когда он, убедившись в нерешительности военачальников Оренбургской крепости, пред-

принимает попытку освободить Машу с помощью Пугачёва, подвергая свою жизнь большой опасности. И даже тогда, когда Гринёв, оклеветанный Швабриным, был арестован, он в ходе следствия не упомянул имени своей любимой, не желая привлечь её к судебному процессу, чтобы оправдаться.

В своём внуке Петруше, которому адресованы «семейственные записки», рассказчик видит своё подобие («почитаю сходство твоей молодости с моею» [V, 480]). Обращаясь к своему внуку, Гринёв призывает его сохранить в своём сердце прекрасные качества: *доброту* и *благородство*.

Содержание романа, построенного на пересечении многих временных пластов, убедительно раскрывает значимость нравственных устоев в жизни человека. Глубина нравственной проблематики романа «переключает» развивающееся поначалу как мелодраматическое повествование в семейственные предания, передающие нравственный опыт старшего поколения потомкам.

Это определяет актуальность романа, вызывающего интерес у читателей во все времена. В дневнике М.М. Пришвина (от 7 сентября 1933 г.) есть характерная запись, подтверждающая эту мысль: «Прочитал Пушкина “Историю Пугачёвского бунта” и “Капитанскую дочку”». Наконец-то дожил до понимания «Капитанской дочки» и тоже себя: откуда я пришёл в литературу. <...> Моя родина, непревзойдённая в простой красоте, и что всего удивительней, органически сочетавшейся с ней *доброте* и *мудрости человеческой*, — эта моя родина есть повесть Пушкина «Капитанская дочка»¹⁵ Приведённая цитата подчёркивает важность эмоционального восприятия прочитанного художественного текста, его глубокого осмысления, *внутренней работы читателя, приобретающего эмоционально-нравственный опыт поведения и отношения к миру и людям*¹⁶.

Литература

1. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. / А.С. Пушкин. — М., 1975. Т. V. — С. 535. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте статьи.
2. См.: Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (пути эволюции)/Н.Н. Петрунина / отв. ред. академик Д.С. Лихачёв. — Л., 1987. — С. 241–288.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. — М., 1975. — С. 126.
4. См.: Гей Н.К. Проза Пушкина: поэтика повествования / Н.К. Гей. — М.: Наука, 1989. — С. 201–203.
5. Лихачёв Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачёв // Вопросы литературы. 1968. № 8. — С. 77.
6. Даль В.И. Напутное // Пословицы русского народа: сборник: В 2-х ч. / В.И. Даль. — М., 1984. Т. 1. — С. 13, 14.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. — М., 1980. Т. 4. — С. 599.
8. Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (пути эволюции) / Н.Н. Петрунина / отв. ред. академик Д.С. Лихачёв. — Л., 1987. — С. 265.
9. Лихачёв Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачёв // Вопросы литературы. 1968. № 8. — С. 78.
10. Есин А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: учеб. пособие / А.Б. Есин. 9-е изд. — М., 2008. — С. 98.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. — М., 1980. Т. 4. — С. 620.
12. См.: Гей Н.К. Проза Пушкина: поэтика повествования / Н.К. Гей. — М.: Наука, 1989. — С. 201–203.
13. Есин А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: учеб. пособие / А.Б. Есин. 9-е изд. — М., 2008. — С. 102.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. — М., 1980. Т. 1. — С. 444.
15. Пришвин М.М. Собр. соч.: В 8 т. / М.М. Пришвин. — М., 1982. Т. VIII. Дневники 1905–1954 гг. — С. 253.
16. См.: Зыль Т.Е. Труд читателя: взаимосвязь восприятия и анализа художественного произведения // Русский язык и литература. 2007. № 9. — С. 10–16; То же [Электронный ресурс] — URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/89470> (3.10.2018).

